

ихъ—боготворили Михаила Семеновича, души не чаяли въ немъ. Они учились на его примѣръ, какъ надо жить, чтобы впослѣдствіи не пришлось краснѣть за даромъ растраченныя силы, за бесполезно убитое время, за пустоту и бессодержательность своей жизни.

А дѣтямъ своимъ онъ вправѣ былъ сказать, уже не въ фамусовскомъ тонѣ, слова Фамусова, придавая имъ серіозный, не лицемѣрный смыслъ. Онъ смѣло и убѣжденно могъ повторить, но только тономъ вѣрящаго въ себя человѣка, счастливаго сознаніемъ свято исполненнаго имъ долга:

— Не надобно другого образца, когда въ глазахъ—примѣръ отца!

Примѣръ отца, который не бросаетъ самой нѣжной заботы о дѣтяхъ даже тогда, когда они сами становятся и взрослыми, и самостоятельными.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ,—пока я живъ, не допущу, чтобы они въ чемъ-нибудь нуждались, чтобы они кровью и потомъ добывали себѣ пропитаніе, чтобы они и силы, и здоровье, и время, которое имъ нужно для своего образованія, для пополненія своихъ знаній, теряли на работу для крова и пищи и жили бы впроголодь. Пока я живъ, пусть живутъ у меня, пока не найдутъ себѣ мѣста или службы, которая бы могла ихъ, какъ слѣдуетъ, пропитать.

Женится сынъ его,—казалось бы, теперь бы его и отпустить. А нѣтъ:

— Живи, оставайся, скажетъ старикъ, пока не почувствуешь себя совсѣмъ обезпеченнымъ. А то, милый мой, нужда искушаетъ человѣка, увлекаетъ его